

НАУЧНАЯ СТАТЬЯ / ORIGINAL ARTICLE

УДК / UDC 008:304.3

<https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-3-733-742>

Шифр научной специальности 5.10.1

Хронотоп вещи или вещь хронотопа: вещь как структуризатор пространства и времени

Александр Васильевич Соловьёв

ФГБОУ ВО «Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина»

390000, Российская Федерация, г. Рязань, ул. Свободы, 46

✉ a.solovev@365.rsu.edu.ru

Аннотация

ВВЕДЕНИЕ. Исследование представляет собой философско-культурологический анализ вещи как культурной формы, структурирующей пространство и время повседневного бытия человека, причём главный акцент делается на том, что, создавая и репрезентируя хронотоп, вещь выступает не только в качестве структуризатора пространства и времени, но и по отношению к хронотопу занимает две позиции: 1) находится внутри него – внутренняя вещь (хронотоп вещи) и 2) вне его – внешняя вещь (вещь хронотопа), что позволяет вещи в полной мере реализовывать свои символические функции. Цель – обосновать тезис о том, что вещи как носители смыслов, как символические объекты и как хронотопоиндикаторы являются структурирующими и стабилизирующими элементами человеческой культуры. **МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ.** Изложен материал, полученный в результате анализа и синтеза как философских, так и культурологических исследований вещи как объекта и феномена культуры. **РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ.** Вещь является сложной сущностью и культурной формой, которая взаимодействует с хронотопом двунаправленно, объективизируя и субъективизируя его. Она может выступать как «объект» и как «феномен», и её символический смысл может быть глубоким и многогранным. **ЗАКЛЮЧЕНИЕ.** Материал, изложенный в исследовании, предназначен для фундирования прикладных исследований пространственно-временной структуры повседневности человека, а также для социокультурного проектирования в области сохранения и актуализации культурного наследия.

Ключевые слова: вещь, хронотоп, символический объект, пространство, время, повседневность, культура повседневности

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Финансирование работы отсутствовало.

Для цитирования: Соловьёв А.В. Хронотоп вещи или вещь хронотопа: вещь как структуризатор пространства и времени // Неофилология. 2024. Т. 10. № 3. С. 733-742. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-3-733-742>

Chronotope of an thing or chronotope thing: a thing as a structurizer of space and time

Alexander V. Soloviev

Ryazan State University named for S. Yesenin
46 Svobodi St., Ryazan, 390000, Russian Federation

Abstract.

INTRODUCTION. The study is a philosophical and cultural analysis of the “thing” concept as a cultural form that structures the space and time of an individual’s daily existence. The main focus is on the role of things in creating and representing the chronotope, which is a combination of space and time. Things act as structurizers of space and time and occupy two positions in relation to the chronotope: 1) as an internal thing within the chronotopic space, and 2) as an external thing outside the chronotope. This allows things to fully realize their symbolic functions. The aim of the study is to substantiate the argument that things, as carriers of meaning and symbolic objects, play a crucial role in structuring and stabilizing human culture through their chronotopic indicators. **MATERIALS AND METHODS.** The material obtained as a result of the analysis and synthesis of both philosophical and cultural studies of the thing as an object and phenomenon of culture is presented. **RESULTS AND DISCUSSION.** Thing is a complex entity and cultural form that interacts with the chronotope bidirectionally, objectifying and subjectivizing it. It can act as an “thing” and as a “phenomenon”, and its symbolic meaning can be deep and multifaceted. **CONCLUSION.** The material presented in the study is intended to fund applied research on the spatial and temporal structure of human daily life, as well as for socio-cultural design in the field of preservation and actualization of cultural heritage.

Keywords: thing, chronotope, symbolic object, space, time, everyday life, everydayness culture

Acknowledgements and Funding. No funding was reported for this research.

Conflict of Interest. The author declares no conflict of interest.

For citation: Soloviev, A.V. Chronotope of an thing or chronotope thing: a thing as a structurizer of space and time. *Neofilologiya* = *Neophilology*, 2024;10(3):733-742. <https://doi.org/10.20310/2587-6953-2024-10-3-733-742>

ВВЕДЕНИЕ

Современные исследования вещи представляют собой разнообразное и динамичное поле, где исследователи из разных научных областей (философии, антропологии, социологии, культурологии, филологии, археологии, истории) анализируют и осмысливают сложный феномен вещи в современном мире [1–6]. Особый интерес к вещи как феномену культуры возник в связи с развитием нового направления в культурологии и философии культуры – исследований культуры повседневности и, в связи с этим, исследований культуры общества потребления [3; 7–9]. Большой вклад в развитие этого направления

внесли М. Фуко и Ж. Бодрийяр¹, которые рассматривали вещь не просто как средство удовлетворения потребностей, а как символ статуса, «знак отличия», как вещь определяет социальные отношения и идентичность её владельца. Существенный вклад в исследование вещи как символического объекта, культурного текста и, в целом, как культурной формы внесли представители отечественной семиотической школы и, в первую очередь, Ю.М. Лотман и В.Н. Топоров², ана-

¹ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб., 1994; Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1999.

² Лотман Ю.М. Культура и взрыв. М.: Гнозис; Изд. группа «Прогресс», 1992; Топоров В.Н. Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина) // Топоров В.Н. Миф, ритуал, символ, образ: иссле-

лизировавшие вещь как элемент пространственно-временной системы культурных значений. Их работы помогли значительно углубить понимание вещи как семиотического объекта, то есть как носителя смысла и значения в рамках культурной системы. В настоящее время исследованиями в этом направлении занимаются С.И. Змихновский [10], О.И. Федотов [6], В.И. Ионесов [11], О.Н. Нетребская [9]. Отдельно необходимо отметить исследования М.П. Петровой [2], К.А. Ванескегян [12], О.И. Федотова [6], А.Ю. Королёвой [13], О.В. Федуниной [14], А.Д. Алексенко [15] на стыке филологии, культурологии и философии, так как именно анализ художественных текстов даёт нам наиболее яркую выраженность хронотопа вещи через литературные и художественные образы, метафоры и символы. В корпусе исследований вещи как маркера пространственно-временных изменений важное место занимают исследования взаимосвязи вещи и памяти: Н.А. Аванесовой [16], Д.В. Малахова [17], К.А. Ванескегян [12].

Таким образом, общая и основная цель исследования заключается в обосновании тезиса о том, что вещи как носители смыслов, как символические объекты и как хронотопоиндикаторы являются структурирующими и стабилизирующими элементами человеческой культуры. В связи с этим в рамках исследования решаются задачи, связанные с анализом вещи в двух проекциях: во-первых, как внутренней вещи (хронотоп вещи), находящейся внутри хронотопа и, во-вторых, как внешней вещи (вещь хронотопа), находящейся вне его, что позволяет вещи в полной мере реализовывать свои символические функции.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

Базой и материалом для анализа, проведённого в рамках исследования, стали, прежде всего, работы авторов, упомянутых во введении, – М. Фуко, Ж. Бодрийяр, Ю.М. Лотман, В.Н. Топоров. Тем не менее,

дования в области мифопоэтического: избранное. М., 1995. С. 7-111.

достижение цели и решение задач исследования были бы невозможны без привлечения материалов и результатов исследований, связанных с категориями пространства, времени, хронотопа, а также с онтологией и социологией повседневности, философской, культурной и социальной антропологией. Эти категории и аспекты отражены в трудах Л. Витгенштейна, А.В. Селиванова, М.М. Бахтина, К. Ровелли, А.А. Ухтомского, А.П. Чудакова, С.С. Аверинцева.

РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Основные тезисы исследования заключаются в следующем: 1) вещь «действует» в определённом хронотопе и, таким образом, вместе с другими вещами конституирует и манифестирует его; 2) вещь, преодолевая пространственно-временные границы своего «естественного» хронотопа, становится его «носителем» и репрезентатором; 3) создавая и репрезентируя хронотоп, вещь выступает в качестве структуризатора пространства и времени. Кроме того, по отношению к хронотопу вещь может занимать две позиции: 1) находиться внутри него – внутренняя вещь (хронотоп вещи) и 2) вне его – внешняя вещь (вещь хронотопа). Как указывал Л. Витгенштейн: «Мы не в силах вообразить пространственные объекты вне пространства или временные объекты вне времени ; точно так же нельзя вообразить объект, лишённый возможности сочетаться с другими»³. Хронотопичность вещи является онтологическим императивом: она неотделима от пространственно-временных характеристик своего существования, и – более того – она «скрепляет» структуру этих пространственно-временных характеристик в систему повседневного бытия человека.

Вещь взаимодействует с хронотопом двупаправленно: 1) вещь объективизирует хронотоп, которому она имманентна и в котором она функциональна; 2) утратив свою утилитарную функциональность, вещь субъективизирует имманентный ей хронотоп и становится символом этого хронотопа.

³ Витгенштейн Л. Логико-философский трактат. М.: АСТ, 2018. С. 13.

Представляется не совсем правильным говорить о вещи только как о предмете, вещь – это ещё и феномен. В этом смысле вещь «ведёт себя» так, как частица-волна в теории струн: в один момент времени, в одном контексте, в одном хронотопе наблюдатель должен выбирать позицию наблюдения: наблюдает он вещь как предмет или как феномен? Но даже выбранная позиция не даст стопроцентного результата: взгляд наблюдателя и «сложность» вещи-феномена не позволят соблюсти чистоту эксперимента.

Вещь – это одновременно и функциональный, и символический объект. Вещь не может не быть символическим объектом. Меч символизирует войну, воина, насилие. Молот – кузнеца, рабочего. Перо – письмо, писца, писателя, грамотность. Используя вещи, мы работаем с символическими объектами. Но если утилитарная функция вещи может быть утрачена, например, по мере развития технологий, то символическая всегда сохраняется и, более того, усиливается, прирастая новыми символическими смыслами, иногда не связанными или даже отрицающими первоначальный смысл.

А.В. Селиванов, один из основателей и правитель дел Рязанской учёной архивной комиссии, в своей «фантазии» «Душа вещей» писал: «Подобно чудотворным иконам вокруг старых фамильных реликвий: портретов, мебели, всякого рода утвари, книг и пр. скопляется также своего рода атмосфера, могущая влиять на человека, доступного такого рода специфическим воздействиям»⁴. В данном случае вещь выступает как вещь хронотопа прошлого, влияющего на хронотоп настоящего, но, как следует из цитаты, не просто в форме эмпирически-чувственного объекта, а объекта, формирующего, создающего эмоционально-символическую атмосферу. Примечательно, что сочетание «душа вещей» было использовано известным искусствоведом и критиком современного искусства Б. Гройсом ста с лишним годами позже А.В. Селиванова для описания хронотопа вещи в культуре потребления современности: «Возникает ощущение, что все эти чис-

тые формы вещей или, можно сказать, души вещей поднимаются строго вверх, чтобы избежать горизонтальной оси прогресса, которого не в силах избежать сами вещи. Мы знаем как минимум со времён Гегеля, что именно прогресс делает вещь вещью. В нашей цивилизации вещи определяются их использованием. А их использование определяется перспективами биологического выживания, экономического роста, политической стабильности, социальной справедливости и военной безопасности – перспективами изменений и улучшений, направленными в будущее. Это радикальное подчинение всех вещей задачам прогресса не обходит стороной и человека, который в модернистскую эпоху считается ещё одной вещью среди прочих вещей»⁵. Это «низведение» человека до статуса вещи, на самом деле, может рассматриваться как «наделение» вещи статусом субъектности («душа вещей»), который «позволяет» вещи создавать свой хронотоп. Об этом «субъектном» статусе вещи пишет Ж. Бодрийяр, показывая, как вещь «создаёт» совместность нескольких хронотопов – контекстов культур нескольких поколений: «Вещи, словно антропоморфные боги-ларты, воплощающие в пространстве аффективные связи внутри семейной группы и её устойчивость, становятся исподволь бессмертными, до тех пор, пока новое поколение не разрознит их, не уберёт с глаз долой или же, в некоторых случаях, не восстановит их в правах ностальгически актуальных «старинных» вещей»⁶.

В.Н. Топоров, говоря об эмпирически-чувственном восприятии вещи, о двух полях вещи, фактически описывает внутреннюю вещь (хронотоп вещи) и внешнюю вещь (вещь хронотопа) (см. выше): «Вещь в её эмпирически-чувственном восприятии как бы держится напряжением (причём со временем эта напряжённость всё более возрастает) двух полей вещи – внутреннего и внешнего, граница между которыми выступает как зримо воспринимаемая поверхность вещи, об-

⁴ Селиванов А.В. Душа вещей. Скопин, 1912. С. 8.

⁵ Гройс Б. Частные случаи. М.: Ад Маргинем Пресс: Музей современного искусства «Гараж», 2020. С. 132.

⁶ Бодрийяр Ж. Система вещей. С. 19.

ращённая, подобно Янусу, в две противоположные стороны. В этой ситуации вещь может быть осмыслена как своего рода квантор связи-соотнесения обоих этих полей, что уже непосредственно подводит к проблеме соответствия малого «внутреннего» и большого «внешнего» и единства этих двух пространств. Первое из них оказывается как бы малым зеркалом, в котором отражается «великое» мира. Второе – большое зеркало, отражающее в себе «малое» мира. Вещь несёт в себе мир, его образ, но и мир несёт в себе вещь, всю наличествующую в нём совокупность вещей⁷. Таким образом, вещь из эмпирически-чувственного, физического объекта превращается в феномен – в символический объект, действующий во внутреннем хронотопе и создающий внешний хронотоп.

М.М. Бахтин в статье «К методологии гуманитарных наук» следующим образом описывает этапы процесса понимания символического объекта – знака и, в том числе, вещи: «Понимание. Расчленение понимания на отдельные акты. В действительном реальном, конкретном понимании они неразрывно слиты в единый процесс понимания, но каждый отдельный акт имеет идеальную смысловую (содержательную) самостоятельность и может быть выделен из конкретного эмпирического акта. 1. Психофизиологическое восприятие физического знака (слова, цвета, пространственной формы). 2. Узнавание его (как знакомого или незнакомого). Понимание его повторимого (общего) значения в языке. 3. Понимание его значения в данном контексте (ближайшем и более далёком). 4. Активно-диалогическое понимание (спор-согласие). Включение в диалогический контекст. Оценочный момент в понимании и степень его глубины и универсальности»⁸. Психофизиологическое восприятие в данном случае соответствует эмпирически-чувственному восприятию вещи как элементу объектного мира, а понимание его повторимого (общего) значения в языке и понимание его значения в данном контексте отсылают к восприятию

вещи как символического объекта, раскрывая её внутренний и внешний хронотопы. На четвёртом этапе активно-диалогического понимания, то есть включения в диалогический контекст, происходит перманентное пересоздание хронотопов вещи в силу непрерывной смены нарративов диалогического контекста.

Активно-диалогическое понимание вещи, в свою очередь, предусматривает и предопределяет её смысловые модусы, которые позволяют воспринимать вещь как точку связи онтологических и гносеологических смыслов человеческого бытия. К. Ровелли в книге «Срок времени» в главе 6, которая называется «Мир состоит из событий, а не вещей», указывает, что «одно дело – время, как его ни определяй, но совсем другое – вещи, которые не «есть», а становятся»⁹. Но это, в сущности, означает, что вещи, коль скоро они становятся, – это тоже события, ибо, становясь, они «маркируют», «отмечают», «означивают» время. Как писал А.А. Ухтомский, «с точки зрения хронотопа, существуют уже не отвлечённые точки, но живые и неизгладимые из бытия события»¹⁰. Если за эти «отвлечённые точки» принять вещи, то в хронотопе они превращаются в «живые и неизгладимые из бытия события». Так вещь, являясь точкой во времени (например, приобретение какой-то ценной для семейного быта вещи), является событием в хронотопе, переходя от одного поколения к другому (например, семейные реликвии), что очень просто и ёмко описывал И. Бродский: «Ближе всего мать подходила к этой теме, когда, указывая на очень хрупкий китайский сервиз, говорила: «Он перейдёт к тебе, когда ты женишься или...» – и обрывала фразу»¹¹. Этот переход вещи от одного поколения к другому знаменует её превращение в событие и, более того, в со-бытие, так как сопровождается переходом смыслов, которые ценны для обоих поколений, создавая смежную зону двух хронотопов прошлого и настоящего времени. На

⁹ Ровелли К. Срок времени. М.: АСТ: CORPUS, 2020. С. 93.

¹⁰ Ухтомский А.А. Доминанта. СПб.: Питер, 2002. С. 342.

¹¹ Бродский И. Поклониться тени. СПб.: Азбука, 2001. С. 17.

⁷ Топоров В.Н. Вещь в антропоцентрической перспективе (апология Плюшкина). С. 24-25.

⁸ Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1986. С. 381.

эту психоэмоциональную сторону хронотопа вещи обращает внимание А.П. Чудаков, говоря о «вещах для себя», семейных вещах: «С миром «вещей для себя» человек связан иначе, чем с миром предметов служебных, – гораздо теснее, ближе. Он относится к ним эмоционально – они ему нравятся или нет. Он создаёт и осознаёт их не только как утилитарную, но и как эстетическую ценность. Он связан с ним психологически. Раньше этот транссубъектный мир был вполне устойчив. Человека окружали вещи, доставшиеся от предыдущего поколения, а новые походили на старые. Форма глиняного горшка практически не изменялась тысячелетиями»¹². Говоря об эстетической ценности вещей, А.П. Чудаков, очевидно, включает в неё и символические смыслы, позволяя определять вещь как хронотопическое со-бытие. Психоэмоциональная сторона хронотопа вещи особенно ярко проявляется в детстве, когда мир вещей у человека обретает связи с миром человеческих взаимосвязей и взаимодействий: вещевой, бытовой мир и мир близких людей сливаются в единый мир семьи, олицетворяющий собой фундамент бытия и центр мира вообще, и конкретные вещи могут быть, в свою очередь, символическими центрами этих экзистенциальных центров, как описывает это Д.А. Гранин в «Ленинградском каталоге»: «Я вспомнил, что в одном ленинградском доме висит на бронзовом кронштейне лампа. По семейным праздникам её заправляют керосином и зажигают. Она досталась от прадеда, сельского врача. Он делал при её свете операции. С тех пор она переходит наследникам, обрела родословную и обросла множеством преданий. Семейные реликвии достойны уважения. Я люблю дома, где сохраняют увесистые бархатные альбомы с семейными фотографиями. Ларцы с письмами и открытками, написанными прабабушками. Картины, литографии, может, и невесть каких художественных достоинств, но зато они висели и у родителей, и у родителей родителей. Люблю семейные портре-

ты, старые сервизы, старые книги, которые читали ещё предки. Мне всегда как-то пусто в доме, где всё новенькое, блестящее, приобретенное только что. Дом нуждается в старых, пускай малонужных, вещах, которые переходят к детям. Керосиновая лампа – реликвия трогательная, мягкий золотой свет её уводит в прошлое, когда по вечерам он собирал под свой круг всю семью, родных, тех, о ком вы знаете понаслышке, из семейных преданий»¹³. Хронотоп детства является самым устойчивым для человека ввиду того, что детство – период самой активной работы воображения, высокой впечатлительности и эмоциональности: «В детстве с вещами устанавливаются особые отношения, интимные. В детстве вещи разговаривают, живут. Любые вещи, вплоть до рисунка обоев, половники, копилки имеют свои физиономии, свой нрав... Многие из них помнятся всю жизнь, они хранили наши тайны, мы разговаривали с ними»¹⁴.

Хронотоп детства непосредственно связан с семейным хронотопом, в котором вещь зачастую отождествляется с конкретным членом семьи и продолжает выполнять свою символическую функцию жизни и памяти даже после смерти владельца, и речь здесь идёт вовсе не о музеефицированных предметах, принадлежащих известным личностям, а о вещах семейных, имеющих локальную, очень ограниченную ценность. Как писал С.С. Аверинцев, «когда человек умер, служившая ему вещь может, конечно, достаться чужому человеку и потерять всякую связь с прежним владельцем, словно бы и сама забыть о прикосновении его рук; но этот случай нас сейчас занимать не может, потому что наша тема – не забвение, а память»¹⁵. По мнению С.С. Аверинцева, остаются две другие возможности: «во-первых, вещь может тихо доживать свой век у детей и внуков покойного, где-нибудь в уголке. Очень ли её берегут? Едва ли. Если это вещь годная, бытовая, её используют по назначению – изна-

¹² Чудаков А.П. Нужна вещная стратегия современности // Красная книга культуры / сост., подгот. текста, подбор илл. и предисл. В. Рабиновича. М.: Искусство, 1989. С. 72.

¹³ Гранин Д.А. Ленинградский каталог. СПб., 2018. С. 26.

¹⁴ Там же. С. 50.

¹⁵ Аверинцев С.С. Противочувствия // Красная книга культуры. С. 332.

шивают до конца; но пока она не износилась вконец, она живёт, как жила. Часто ли её расспрашивают о её старом хозяине? Это как когда; скорее всего, не очень часто. Мы не так часто вспоминаем умерших родителей; вспоминаем – не часто, а помним – всегда»¹⁶. Таким образом, в семейном хронотопе вещь может поддерживать его континуальность довольно длительное, неопределённое время, воздействуя на него как внутренняя вещь, то есть являясь знаком (символом) почившего члена семьи, а также как внешняя вещь, символизирующая принадлежность каждого члена, включая предков, владевших вещью-реликвией, к данной семейной группе. Во-вторых, как указывает С.С. Аверинцев, «вещь может постигнуть совсем иная судьба: она находит своё место в музее, в мемориальном ансамбле, становится частью экспозиции. Здесь она больше чем где-либо поставлена на службу памяти – памяти особого рода, эмпирически осуществляющей себя уже не как невыговоренная жизнь души, но как искусственно организованное, систематизированное, вновь и вновь выверяемое воспоминание. Вещь перестаёт быть вещью и превращается в нечто иное, а именно в «памятник». По-русски слово «памятник» вызывает невольные ассоциации с надгробием: вещь увековечивает себя, как свой собственный монумент. По-гречески надгробный памятник называется σῆμα, то есть «знак»: вещь предстаёт как знак себя же»¹⁷. Вещь-памятник – это, фактически, вещь-символ, вещь «реконструированного» в музейной среде хронотопа, призванная вместе с другими вещами экспозиции формировать коллективную память расширенной социальной группы.

¹⁶ Аверинцев С.С. Противочувствия. С. 332.

¹⁷ Там же. С. 332-333.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, вещь, одновременно выступая в качестве внутренней вещи (хронотоп вещи) и внешней вещи (вещь хронотопа), является структуризатором пространства и времени человека, обеспечивающим устойчивость мира человеческой повседневности. Вещь, конструируя и структурируя хронотопы нашего бытия, задаёт границы повседневности, но именно в этих границах и становится возможным то, что делает нас homo culturalis vulgaris, – создание смыслов обыденной жизни. Вещи как носители смыслов и как хронотопоиндикаторы являются структурирующими и стабилизирующими элементами человеческой культуры. Вещи придают ей устойчивость не только в синхронном плане, превращая пространство в конкретное место, но и в диахронном – связывая прошлое с настоящим и будущим.

Вещь не является изолированным или автономным объектом, а существует и действует в определённом пространственно-временном контексте – хронотопе: взаимодействуя с другими вещами, она формирует этот контекст, привнося свои собственные характеристики и особенности. Вещь становится частью «ткани» хронотопа, «очерчивая» его контуры и делая его различимым, например, старинный шкаф в современной комнате является маркером хронотопа прошлого, вызывая ощущение атмосферы уютной старины и присутствия «души вещей».

Вопрос о субъектности вещи как символического объекта намечает перспективы дальнейших научных исследований вещи как структуризатора пространства и времени человека и, в первую очередь, это связано с развитием новых технологий, таких как «интернет вещей», «искусственный интеллект» и «дополненная реальность».

Список источников

1. Галимуллина А.Ф. Поэтика вещи в творчестве современных татарских поэтов как воплощение национального культурного кода // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 1. С. 209-221. <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2024-1-29-209-221>, <https://elibrary.ru/cpmsfq>

2. Петрова М.П. Столкновение с вещью как столкновение с иным в романе Г. Аюурзаны «Их тени выше наших душ» // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 1. С. 234-244. <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2024-1-29-234-244>, <https://elibrary.ru/nqffpl>
3. Катушкина К.А. Трансформация статуса вещи в современной культуре // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2024. № 1 (89). С. 423-427. <https://elibrary.ru/ctambs>
4. Лукутин А.А., Мурзаев Д.В. Онтологические категории «вещь», «свойство», «отношение»: философско-антропологический и социально-философский аспекты // Технологии социально-гуманитарных исследований. 2024. № 1 (5). С. 20-24. <https://elibrary.ru/dolicl>
5. Книга о бытовых вещах, которые из-за переезда превращались в реликвии // Вестник Кольского научного центра РАН. 2022. Т. 14. № 1. С. 55-56. <https://elibrary.ru/keqpqa>
6. Федотов О.И. Вещи во времени и пространстве (о сонетном цикле Бродского «Посвящается стулу») // Иосиф Бродский как эпоха. СПб.: Русская христианская гуманитарная академия им. Ф.М. Достоевского, 2023. С. 221-240. <https://elibrary.ru/mkdaqni>
7. Сулейманова С.М. Функциональность вещи и её трансформация в контексте современной культуры // Вестник Кыргызско-Российского славянского университета. 2024. Т. 24. № 2. С. 69-72. <https://doi.org/10.36979/1694-500x-2024-24-2-69-72>, <https://elibrary.ru/leauza>
8. Гюнгер С.А. Дома как вместилища памяти: когнитивный анализ привязанности к имуществу (пер. с англ. С.В. Соколовского) // Этнографическое обозрение. 2023. № 6. С. 44-60. <https://doi.org/10.31857/S0869541523060040>, <https://elibrary.ru/mnyeva>
9. Нетребская О.Н. Философско-символический смысл вещи: на примере ряда объектов, связанных с жилищем // Восточно-Европейский научный журнал. 2023. № 2-1 (87). С. 28-33. <https://doi.org/10.31618/ESSA.2782-1994.2023.1.87.334>, <https://elibrary.ru/rkhzhk>
10. Змиховский С.И. Предметно-конститутивный характер диалектического понимания смысла вещи в философии А.Ф. Лосева // Приношение: Азе Алибековне Тахо-Годи от благодарных учеников и коллег к 100-летию со дня рождения: Fuga temporum: сб. ст. СПб.: Алетейя, 2023. С. 309-316. <https://elibrary.ru/ruaspi>
11. Ионесов В.И. Предметный мир в диалоге человека и вещи: некоторые культурологические прояснения // Вестник Челябинского государственного университета. 2024. № 4 (486). С. 12-22. <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2024-486-4-12-22>, <https://elibrary.ru/gffiom>
12. Ванескесян К.А. Память вещи и симуляционная темпоральность в романе «Собиратель рая» Евгения Чижова // Stephanos. 2022. № 3 (53). С. 120-127. <https://doi.org/10.24249/2309-9917-2022-53-3-120-127>, <https://elibrary.ru/gcnzsk>
13. Королёва А.Ю. Зловещие вещи века. Предметный мир в живописи новой вещественности // Теория и история искусства. 2024. № 1-2. С. 227-237. <https://elibrary.ru/jegwyo>
14. Федунина О.В. Поэтика вещи в романе М. Дюрас «Английская мята»: от улики к минус-приёму // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 1. С. 222-233. <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2024-1-29-222-233>, <https://elibrary.ru/hzkken>
15. Алексенко А.Д. Вещный мир в драматургической рецепции В.С. Розова // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2024. № 1. С. 148-161. <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2024-1-29-148-161>, <https://elibrary.ru/znqyoa>
16. Аванесова Н.А. Память вещи – ожившая история затерянного артефакта // Сфера культуры. 2024. № 1 (15). С. 153-158. https://doi.org/10.48164/2713-301X_2024_15_153, <https://elibrary.ru/raszfs>
17. Малахов Д.В. Вещь, монумент, земля: онтологическое измерение исторической памяти в контексте учения М. Хайдеггера о феноменах // Вестник Гродненского государственного университета имени Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2024. Т. 16. № 1. С. 103-113. <https://elibrary.ru/myyrfx>

References

1. Galimullina A.F. Poetics of things in the works of modern Tatar poets as the embodiment of the national cultural code. *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN = Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*, 2024, no. 1, pp. 209-221. (In Russ.) <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2024-1-29-209-221>, <https://elibrary.ru/cpmsfq>
2. Petrova M.P. Collision with a thing as a collision with other in G. Ayurzana's novel "Their shadows are taller than our souls". *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN = Bulletin of the Kalmyk Scientific*

- Centre of the RAS, 2024, no. 1, pp. 234-244. (In Russ.) <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2024-1-29-234-244>, <https://elibrary.ru/nqffpl>
3. Katushkina K.A. Transformation of the status of a thing in modern culture. *Skif. Voprosy studentcheskoi nauki = Sciff. Questions of Students Science*, 2024, no. 1 (89), pp. 423-427. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ctambs>
4. Lukutin A.A., Murzaev D.V. Ontological categories “thing”, “property”, “relation”: philoso-anthropological and socio-philosophical aspects. *Tekhnologii sotsial'no-gumanitarnykh issledovaniy = Technologies of Social and Humanitarian Research*, 2024, no. 1 (5), pp. 20-24. (In Russ.) <https://elibrary.ru/doliel>
5. A book about household items that turned into relics due to the move. *Vestnik Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN = Herald of the Kola Science Centre of RAS*, 2022, vol. 14, no. 1, pp. 55-56. (In Russ.) <https://elibrary.ru/keqpqa>
6. Fedotov O.I. Veshchi vo vremeni i prostranstve (o sonetnom tsikle Brodskogo «Posvyashchaetsya stulu»). *Iosif Brodskii kak epokha*. St. Petersburg, The Russian Christian Academy for the Humanities Publ., 2023, pp. 221-240. (In Russ.) <https://elibrary.ru/mkdaqni>
7. Suleimanova S.M. (2024). The functionality of a thing and its transformation in the context of modern culture. *Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo slavyanskogo universiteta = Herald of KRSU*, vol. 24, no. 2, pp. 69-72. (In Russ.) <https://doi.org/10.36979/1694-500x-2024-24-2-69-72>, <https://elibrary.ru/leauza>
8. Gyunger S.A. Homes as memory boxes: a cognitive approach to understanding attachment to possessions. *Etnograficheskoe obozrenie = Ethnographic Review*, 2023, no. 6, pp. 44-60. (In Russ.) <https://doi.org/10.31857/S0869541523060040>, <https://elibrary.ru/mnyeva>
9. Netrebskaya O.N. The philosophical and symbolic meaning of a thing: on the example of a number of objects related to housing. *Vostochno-Evropeiskii nauchnyi zhurnal = Eastern European Scientific Journal*, 2023, no. 2-1 (87), pp. 28-33. (In Russ.) <https://doi.org/10.31618/ESSA.2782-1994.2023.1.87.334>, <https://elibrary.ru/rkhzhk>
10. Zmikhnovskii S.I. The subject-constitutive nature of the dialectical understanding of the meaning of a thing in the philosophy of A.F. Losev. *Sbornik statei «Prinoshenie: Aze Alibekovne Takho-Godi ot blagodarnykh uchenikov i kolleg k 100-letiyu so dnya rozhdeniya: Fuga temporum» = Collection of Articles “An Offering to: Aza Alibekovna Tahoe-Godi from Grateful Students and Colleagues on the 100th Anniversary of her Birth: Fuga Temporum”*. St. Petersburg, Aleteiya Publ., 2023, pp. 309-316. (In Russ.) <https://elibrary.ru/ruaspi>
11. Ionesov V.I. The object world in the dialogue of person and thing: some culturological clarification. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2024, no. 4 (486), pp. 12-22. (In Russ.) <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2024-486-4-12-22>, <https://elibrary.ru/gffiom>
12. Vaneskegyan K.A. Memory of the thing and simulative temporality in Evgeniy Chizhov novel “The paradise gatherer”. *Stephanos*, 2022, no. 3 (53), pp. 120-127. (In Russ.) <https://doi.org/10.24249/2309-9917-2022-53-3-120-127>, <https://elibrary.ru/gcnzsk>
13. Koroleva A.Yu. Omnious things of the century. The world of things in the art of new objectivity. *Teoriya i istoriya iskusstva = Theory and History of Art*, 2024, no. 1-2, pp. 227-237. (In Russ.) <https://elibrary.ru/jegwyo>
14. Fedunina O.V. The poetics of the thing in M. Duras's L'amante Anglaise: from evidence to minus-device. *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN = Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*, 2024, no. 1, pp. 222-233. (In Russ.) <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2024-1-29-222-233>, <https://elibrary.ru/hzkken>
15. Aleksenko A.D. The material world in the dramatic reception of V.S. Rozov. *Byulleten' Kalmytskogo nauchnogo tsentra RAN = Bulletin of the Kalmyk Scientific Centre of the RAS*, 2024, no. 1, pp. 148-161. (In Russ.) <https://doi.org/10.22162/2587-6503-2024-1-29-148-161>, <https://elibrary.ru/znqyao>
16. Avanesova N.A. The memory of a thing – the revived story of a lost artifact. *Sfera kul'tury = Sphere of Culture*, 2024, no. 1 (15), pp. 153-158. (In Russ.) https://doi.org/10.48164/2713-301X_2024_15_153, <https://elibrary.ru/raszfs>
17. Malakhov D.V. Thing, monument, Earth: the ontological dimension of historical memory in the context of M. Heidegger's doctrine about phenomena. *Vestnik Grodnenskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Yanki Kupaly. Seriya 1. Istoriya i arheologiya. Filosofiya. Politologiya = Vestnik of Yanka Kupala State University of Grodno. Series 1. History and Archaeology, Philosophy, Political Science*, 2024, vol. 16, no. 1, pp. 103-113. (In Russ.) <https://elibrary.ru/myyrfx>

Информация об авторе

СОЛОВЬЁВ Александр Васильевич, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина, г. Рязань, Российская Федерация, <https://orcid.org/0000-0002-4779-9134>, a.solovev@365.rsu.edu.ru

Вклад в статью: общая концепция исследования, подбор первичного материала, поиск и анализ научной литературы, работа с литературными источниками, написание текста статьи.

Поступила в редакцию 09.06.2024
Поступила после рецензирования 19.09.2024
Принята к публикации 26.09.2024

Information about the author

Alexander V. Soloviev, Dr. Sci. (Philosophy), Associate Professor, Professor of Department of Cultural Studies Department, Ryazan State University named for S. Yesenin, Ryazan, Russian Federation, <https://orcid.org/0000-0002-4779-9134>, a.solovev@365.rsu.edu.ru

Contribution: main study conception, primary material selection, scientific literature search and analysis, working with literary sources, manuscript text drafting.

Received June 9, 2024
Revised September 19, 2024
Accepted September 26, 2024